

Научно-исследовательская статья

УДК 177.7

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-456-63-75

ФИЛОСОФИЯ ПОНИМАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Елена Николаевна Шульга

Институт философии РАН,

Москва, Россия,

elena.shulga501@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4570-9377>

Аннотация. Философия рассматривает проблематику понимания в самом широком контексте, не ограничиваясь изучением только когнитивных процессов, связанных с пониманием как феноменом сознания. Философский взгляд на проблему понимания предполагает обоснование соотношения знания и понимания как взаимосвязанного процесса, раскрывающего саму суть процесса человеческого познания. С другой стороны, наряду с гносеологической составляющей процесса познания и выяснением условий, сопутствующих пониманию, актуальным становится рассмотрение ряда методологических вопросов, связанных с изучением того конкретного материала, который используется для решения данной проблемы. Восхождение к пониманию начинается с процесса познания, с изучения конкретного предмета, конкретной области знания, но также и с изучения текста. Правильно понять изучаемый текст (художественный, научный, философский) — это значит использовать в своем исследовании методы и принципы интерпретации, которые разрабатываются в рамках философской герменевтики как методологии философской интерпретации. Изучение текста с тем или иным содержанием предполагает, что исследователь нацелен на выяснение того истинного смысла (часто неявного, скрытого), который этот текст передает. Именно эта задача — поиск истины — объединяет усилия ученых, работающих в самых разных областях знания. Таким образом, проблема понимания задает перспективы развитию философской герменевтики, методологические результаты которой могут быть востребованы в конкретной научно-исследовательской деятельности ученых.

У каждой научной дисциплины есть свой предмет, своя проблематика, а также своя история. Обращение к истории становления философской герменевтики,

восходящей к эпохе Античности, позволяет показать, как формировалась методология интерпретации. На первых этапах истории она была связана с практикой истолкования устного слова, где задача «правильного истолкования» придавала ценность каждому слову и тем самым формировала основы соотношения знания и понимания.

В статье будет рассмотрен и проанализирован исторически самый ранний опыт понимания и интерпретации, создающий культурно-историческую основу философской герменевтики.

Ключевые слова: понимание, знание, образ, смысл, слово, текст, интерпретация, философия, герменевтика

Для цитирования: Шульга Е. Н. Философия понимания: исторический опыт интерпретации // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 4 (56). С. 63–75. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-456-63-75>

Scientific research article

UDC 177.7

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-456-63-75

PHILOSOPHY OF UNDERSTANDING: HISTORICAL EXPERIENCE OF INTERPRETATION

Elena N. Shulga

Institute of Philosophy RAS,
Moscow, Russia,

elena.shulga501@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4570-9377>

Abstract. Philosophy considers the problems of understanding in the mostly broad context, not restricting itself just to the study of cognitive processes associated with understanding as a phenomenon of consciousness. The philosophical view of the problem of understanding presupposes the substantiation of the relationship between knowledge and understanding as an interrelated process that reveals the very essence of the process of human cognition. On the other hand, along with the epistemological component of the process of cognition and the clarification of the conditions accompanying understanding, the consideration of a number of methodological issues related to the study of the specific material that is used to solve this problem becomes relevant. The ascent to understanding begins with the process of cognition, with the study of a specific subject, a specific area of knowledge, but also with the study of the text. Correct understanding of the text under study (fiction, scientific, philosophical) means to use in your research the methods and principles of interpretation that are developed within the framework of philosophical hermeneutics as a methodology of philosophical interpretation. The study of a text with a particular content assumes that the researcher is aimed at finding out the true meaning (often implicit, hidden) that this text conveys. It is this task — the search for truth — that unifies the efforts of scientists working in various fields of knowledge. Thus, the problem of understanding sets prospects for the development of philosophical hermeneutics, the methodological results of which can be required in the specific research activities of scientists. Each scientific discipline has its own subject, its own problems, as well as its own history. Turning

to the history of the formation of philosophical hermeneutics, dating back to the era of antiquity, allows us to show how the methodology of interpretation has been formed. At the first stages of history, it was associated with the practice of interpreting the spoken word, where the task of “correct interpretation” gave value to each word and thereby formed the basis for the relationship between knowledge and understanding. The article will consider and analyze the historically earliest experience of understanding and interpretation, which creates the cultural and historical basis of philosophical hermeneutics.

Keywords: understanding, knowledge, image, meaning, word, text, interpretation, philosophy, hermeneutics

For citation: Shulga, E. N. (2025). Philosophy of understanding: Historical experience of interpretation. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (4 (56)), 63–75. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-456-63-75>

Введение

Реконструировать историю зарождения герменевтики можно путем обращения к различным практикам истолкования, существовавшим в разные эпохи, в том числе исторически далеко отстоящим от того отношения к истолкованию и интерпретации, которое существует сегодня. Практика истолкования получила распространение в самых разных культурах, и она имела свои специфические черты и особенности в связи с отношением людей к интерпретируемому материалу — устному слову, высказываемому сообщению или даже к целому тексту, понимание которого было обусловлено самыми разными (в том числе глубинными, эпистемологическими) причинами. Понимание в широком его значении обусловлено существующей картиной мира, характерной для миропонимания народа данной страны и конкретной исторической эпохи. Понимание соответствует также и традиционным верованиям этого народа, а также тому уровню знания, которое раскрывалось в различных (и наиболее типичных для данной эпохи) формах познания.

О некоторых наиболее древних практиках истолкования: от герменевтики образа к вопрошанию и смыслу истолкования

Одна из наиболее древних герменевтических практик связана с истолкованием образов сновидений, и эта практика была распространена практически повсеместно, что можно объяснить отношением людей к сновидению как к посланию из другого мира. Смысл образов сновидений не всегда был ясен и соотнесен с тем, что происходило наяву или что ожидал сам человек, поэтому нужно было правильно истолковать это послание, а также выяснить, какие подсказки сновидения нужно было воспринимать как наиболее важные сообщения.

Потребность получать образные, зримые и понятные сообщения, способные помочь человеку разрешить трудные жизненные вопросы, способствовала распространению такого искусства толкования, которое получило название *oniromancia*. Это понятие использует Артемидор Эфесский, который известен тем, что написал «Трактат об истолковании снов» в пяти книгах, где он суммирует различные традиции истолкования, существовавшие до него и подчеркивает, что все они основаны на следующем принципе: «*Ониромантия* есть не что иное, как переход от вероятного к вероятному» [Фестюжьер, 2000, с. 167]. Как можно заметить, данное высказывание парадоксальное, но со своим подтекстом.

Артемидор выводит принципы истолкования сновидений, исходя из анализа уже сбывшихся сновидений, подразделяя их смысл на буквальный (это как раз то, что было увидено во сне и что было исполнено наяву) и аллегорический, в котором один образ или одно событие знаменует другое. Поскольку душа во сне естественным образом намекает на что-то, то это «что-то» как раз является основанием для аллегорической интерпретации.

Используя образы сновидений для предсказаний будущего, Артемидор выделяет четыре основных способа предсказаний: «многое через многое», «многое через малое», «малое через малое», «малое через многое». Он различает развернутые сновидения, сюжет которых запоминается человеком в виде некой истории событий, сбывающихся наяву, и в которых реализуется принцип «многое через многое». Наряду с развернутым сновидением он пишет и о составном сновидении, по отношению к смыслу которого расшифровке подлечит каждый образный элемент. В результате Артемидор Эфесский создает своего рода толковый словарь образов сновидений с четким указанием на то, как следует их истолковывать. Например, увиденных во сне животных истолковывать сообразно их природному нраву (хитрость, сила, необузданность, дикость). Так, образ коня в сновидении, как отмечает И. А. Протопопова, соответствует реальному восприятию коня с его необузданностью и дикостью. Этот же самый смысл (восходящий к образу коня) используется в платоновской философии как метафора, указывающая на понимание философом природы человеческой души. Такое понимание образа как раз и соответствует принципу интерпретации «многое через малое» в типологии Артемидора [Протопопова, 2001, с. 308–312].

По принципу «многое через малое» истолковывается сон, в котором беременной женщине приснилось, что она родила змею. Рожденный ею ребенок со временем стал прославленным ритором, а ритор, как известно, хорошо владеет языком, речью, он образован и умен, но при этом изворотлив, как змея, и умеет уходить от ненужных споров.

Другой аналогичный пример с тем же самым образом змеи, которую во сне видит уже другая беременная женщина, касается совершенно иного истолкования. Женщина эта была женой жреца, а сын ее со временем стал иерофантом, поэтому истолкование сновидения, в котором женщина родила змею, должно было указывать на благоприятный исход увиденного во сне. Перспектива

благоприятного исхода в восприятии образа змеи в сновидении этой женщины связана с тем, что змея — это священное животное, которое используют жрецы в осуществлении мистерии, и это животное связано с именем Аполлона.

Таким образом, истолкование наиболее ярких образов сновидения всегда соотносится с образом жизни, социальным положением и с самой жизненной ситуацией, которую следует истолковывать.

Отношение к сновидениям как к предсказаниям жизненно важного значения, например, связанного с болезнями и способами их преодоления, было обусловлено верой в то, что сам Асклепий — бог врачевания принимает участие в жизни человека, посылая сновидения, предупреждающие о болезни и дающие подсказку в ее лечении. Так, Гален — римский философ и личный врач Марка Аврелия, учитывал эту особенность сновидений в своей врачебной практике.

Наряду с распространением такого практического отношения к интерпретации образов сновидения, как в случае с врачеванием, долгое время сохранялась уверенность людей в том, что существуют вещие сны, которые являются божественными посланиями, например, происходящими непосредственно от Зевса — главного бога пантеона греческих богов. Именно такие сны истолковываются как предзнаменования. Стремление философов объяснять любые события и явления на сущностном уровне нашло подтверждение и в случае отношения к сновидениям. Так, Демокрит саму способность человека видеть сны и запоминать образы и события сновидения называет «моментальным схватыванием». При этом способность получать жизненно важные сведения, подсказки или даже знания во сне приписывалась душе, а потребность истолковывать образы сновидений реализовывалась на уровне понимания самим человеком глубокой связи его с миром, выраженной посредством символических образов. Придание символическим образам сновидений жизненно важного, рационального смысла, перевод символического знания в рациональное осознавалось таковым только в случае, если сны сбывались.

С точки зрения современной когнитивной герменевтики процесс «моментального схватывания», который так метко определяет Демокрит, следует понимать как способность нашего сознания сохранять в памяти именно те образы, которые затем истолковываются как наиболее важные, способные повлиять на адекватное восприятие той или иной жизненной ситуации, на понимание их смысла. Контекст понимания во всех этих случаях всегда зависит от конкретной ситуации, но при этом может побуждать человека к принятию какого-то важного решения, к действию или даже к созидательной, творческой деятельности.

Что касается различия в практиках истолкования, характерных для конкретных культур, то следует упомянуть о египтянах, которые выстраивали свои проорицания, основываясь на образах проходящих по улице людей, в то же время иудеи придавали большое значение не только сновидениям, но и сакральным предметам, а также числам и числовой последовательности, как, например, в каббале.

В эпоху Античности интерес к получению знания сверхчувственным образом реализовывался в практике вопрошания как искусстве правильно задавать вопросы. Наиболее примитивным способом вопрошания является простое угадывание. Например, по шуршанию листьев священного дуба как ответа Зевса на задаваемый ему вопрос или посредством подкидывания белых и черных камешков и их расположению, по киданию монет, наконец, посредством погружения человека в транс с последующим истолкованием смысла ответов на задаваемые ему вопросы. Как можно предположить, уже на этом уровне восприятия знаков как предзнаменований, а также высказанных слов и конкретных изречений осуществлялась важная эпистемологическая задача, связанная с их истолкованием. В результате такой интеллектуальной деятельности по истолкованию постепенно сформировались специальные требования, касающиеся реализации искусства истолкования — перевода на простой и понятный язык того скрытого смысла, который содержался в иносказании или коротком высказывании прорицателя на задаваемый ему вопрос.

Из практики вопрошания и традиции истолкования сформировалась потребность в людях, которые были специально подготовлены для такой деятельности. Они известны нам как оракулы, сивиллы, жрецы-профеты, т. е. те люди, которые, как предполагалось, обладали особым пророческим и поэтическим даром, мистическим опытом и способностью правильно истолковывать и доносить до понимания людей сокровенный и/или даже божественный смысл изречений. Содержание конкретного высказывания оракула и смысл его ответа на заданный вопрос обычно передавались вопрошающему в такой возвышенной форме, чтобы смысл высказывания не снижал авторитет самого оракула. Соответственно, главная роль переходила от оракула к толкователю. Функция жреца-толкователя (жреца-профета) состояла в том, чтобы помогать оракулу осуществлять весь необходимый ритуал, сопровождавший и предшествовавший получению откровения. После получения такого откровения жрец-профет должен был самым достойным образом передать вопрошающему (клиенту) слова оракула без искажений их истинного смысла или домысливания с использованием произвольных аргументов. Напротив, от толкователя требовалась лаконичность, простота и доходчивость выражения мысли оракула, но без упрощения смысла сказанных им слов. Эти требования поддерживали высокий интеллектуальный статус не только самого оракула, но и толкователя. Неслучайно Платон в диалоге «Ион» (534с) соотносит дар толкователя с поэтическим даром и указывает на то, что *истолкователи воли богов — поэты*, поскольку именно такого рода возвышенная деятельность по истолкованию приравнена к искусству.

Уловить мудрость и тонкий подтекст в высказываниях оракула для толкователя означало быть сопричастным этой мудрости. Такая установка на причастность к постижению высшего знания не только удостоверяла тот факт, что истолкованием занимаются ради передачи этого знания другим людям посредством интерпретации слов, но в первую очередь ради восприятия людьми содержащейся в этих словах мудрости.

Эти же требования касаются проблемы понимания, непосредственно связанной с интерпретацией как отдельных высказываний, так и текстов.

Возвращаясь к обсуждению проблемы понимания, как она формировалась в недрах искусства интерпретации устного слова, следует обратить внимание на то, что в практике истолкования устного слова понимание услышанного начинается с самоистолкования. При этом опора на собственный опыт внутреннего истолкования не обходится без установки человека на то, чтобы узнать от других лиц как можно больше о том, что его волнует в данный момент. В конечном итоге это порождает отношение человека к комментированию как к такому знанию, которое и уникально в своей неповторимости, и обусловлено контекстом конкретной ситуации. Это же требование используется в практиках ведения дискуссий.

Для людей эпохи Античности понимание знания, полученного от жреца-толкователя, расценивалось как нечто сказанное им от имени бога, переданное его живым словом. Специфика этого вида знания состоит в том, что такое знание не давало никакой возможности для опыта; оно не предполагало его опытную проверку, поскольку было результатом священнодействия, связанного с мифом. Именно мифология создавала тот главный контекст священного действия, который следовало понимать как выражение истинного знания — жреческого знания.

Отличительной особенностью мифологического мировосприятия является то, что мифологическое мышление соединяет воедино имя бога и его действие, воображаемое и объективно-действительное, чудесное и реальное. Так, Зевс древних греков не только олицетворяет молнию, гром и миропорядок, но предстает в миропонимании людей как гром, молния и миропорядок, поэтому образы богов, ожидания, связанные с их именами и их действиями, наконец, переживаемое в мифе — все это осознается человеком как реально существующее, как то, что как раз и составляет основу религиозных верований, реализуясь в ритуальной практике и раскрывая в ней единство реального и воображаемого. Ритуал оказывается естественным продолжением религиозного верования, его воспроизведением. Благодаря ритуалу мифологические образы приобретают тот смысл, который выражает объективное положение вещей. Важно при этом и то, что предполагаемое участие богов в жизни людей, вера в их покровительство санкционировала соответствующее поведение, трактуя повседневный опыт в контексте проявления «их воли».

Отношение греков к мифу не всегда было связано с его буквальным пониманием. Скорее наоборот, мифология могла включаться в контекст интерпретируемого высказывания лишь с целью придания ему дополнительной силы, поддерживающей традицию ритуала осуществления прорицания (святенность места, где находился оракул, обстановка и таинственность, сопровождающая получение пророчества, воскурения, музыка и т. д.). При этом вопрошатель мог воспринимать услышанное пророчество как послание свыше, что не означало участия человеческого разума в понимании ситуации послания, оценка которой

могла превосходить ожидания человека со стороны вмешательства богов. В иных случаях именно разум, а не миф или божественное предзнаменование открывали перспективы человеческому пониманию.

Постепенно многовековая практика истолкования, раскрывающая разнообразие житейского опыта, стала находить отражение в конкретных понятиях, обладающих общим и единым смыслом. Это повлияло на формирование конкретного лексикона, понятийный строй которого стал оказывать влияние и на умственную деятельность самого человека, соприкасавшегося с необходимостью понимать и истолковывать события повседневной жизни. «Истолкование постепенно стало представлять собой такой род умственной деятельности, в которой способность человека делать заключения (умозаключения) иллюстрировала способность человека получать знание из чистых понятий, оттеснив тем самым мифологическое объяснение на периферию интерпретации» [Шульга, 2008, с. 88].

Таким образом, постепенно истолкование стало ориентироваться на язык понятий, а не на образы или их мифологические объяснения, приближаясь тем самым к философскому мышлению и к рассуждению на философском уровне. Развитию философского склада ума способствовало получение знания из чистых понятий, а такие дисциплины, как риторика, искусство аргументации, логика и философия стали занимать свое особое место в формировании гносеологии как теории познания и в искусстве истолкования.

В искусстве истолкования устного слова для нас интересны те первые попытки систематизировать принципы правильно излагать свои мысли, которые высказывает Сократ. Как известно, Сократ не писал текстов, а высказывал свои мысли и суждения исключительно в устной форме, общаясь со своими учениками. Об этом вспоминает ученик и последователь Сократа Платон. В диалоге Платона «Федр» Сократ как раз и обучает слушателей тому, какой должна быть правильная речь.

Главные принципы здесь отвечают конкретным способностям человека. Во-первых, человек может «охватывать все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрознено»; во-вторых, он умеет «разделять все виды на естественные составные части» (265d – 266a).

Другими словами, он умеет возводить частное к общему, а из общего получать частное знание, мысля при этом так, чтобы передаваемые смыслы были понятны. (Этот принцип познания Сократ называет диалектикой, определяя ее как искусство задавать вопросы и находить на них правильные ответы, попутно овладевая навыками философского рассуждения вслух). Перспективность использования данного подхода сводилась к тому, что он нашел свое воплощение в античной герменевтике, задача которой состояла в том, чтобы уметь объяснить содержание и смысл текста, а не только правильно его излагать (или переводить на другой язык). В результате герменевтика стала развиваться в направлении совершенствования своего методологического аппарата и использовала такие методы и подходы, которые соответствовали содержанию

изучаемых текстов. Это касается и понимания греческой мифологии, интерпретации ее образов.

Особенность современного философского отношения к греческой мифологии состоит в том, что миф формирует миропонимание, создает символическую картину мира, а также передает его историю в форме повествования. Коротко говоря, боги греков — это их воспоминания о далеком прошлом их собственной истории. Такое понимание греческой мифологии позволяет выделить, по крайней мере, два основных типа истолкования — символическое, опирающееся на аллегория, и историческое, отвечающее наивной ментальности древних греков.

Положительным аспектом в понимании значения греческой мифологии для философии является не только то, как она объясняет происхождение мира и человека в нем, но также и то, что повествовательный характер разнообразных сюжетов мифологии предполагает множественность их интерпретации, в том числе на уровне восприятия личности богов, героев и людей. Так, долгое время римские читатели «Илиады» Гомера представляли себя прямыми потомками троянцев, настолько убедительными были эти повествования. Не случайно и то, что в античной герменевтике центральной темой, связанной с интерпретацией мифов, стало обсуждение сюжетов этих мифов с точки зрения соотношения божественного и человеческого.

Следующий важный исторический этап в развитии герменевтики связан с различными религиозными традициями, начиная с библейского экзегезиса, в котором главным является понимание смысла вероучения с учетом понимания природы божественного и человеческого.

Интерпретация и религиозная традиция

Общая тенденция в становлении многовековой традиции истолкования может быть определена на основании изучения Библии с точки зрения различных приемов и методов интерпретации, которые используют в своей практике представители различных религий. В конкретных конфессиях именно практика истолкования диктует отношение к текстам Библии. Этот этап развития герменевтической мысли представляет собой длительный процесс перехода от понимания устного слова как священного к письменному тексту как передаче божественного откровения.

Формированию научно-методологического аппарата самой герменевтики предшествует длительный период споров и дискуссий между язычниками и иудеями, между иудеями и христианами, когда каждый излагал свой взгляд на вероучение и на мир в целом так, чтобы сохранить незыблемой истинность своего учения. Так, иудаизм для язычника был не иначе как «варварское суевение», этически замкнутая религия «избранного народа». Напротив, христианство проповедовало идею «веры среди всех народов» (Римл. 1:5).

Подтверждение правильности аргументов, адекватных прочтению текстов Библии, было ареной идеологических состязаний между евреями и язычниками. Толкование Писания должно было совершаться устно и только устно, без подглядывания в библейский текст, и «даже в субботу — основной день изучения Писания для народа — его толкование должно было совершаться только устно!» [Гиршман, 2002, с. 27].

Интерпретация использовалась и в качестве основания, регламентирующего поведение верующих. С этой целью служители Храма в Иерусалиме были разделены на 24 группы и назывались стражами, служившими в течение недели на протяжении всего года. «Священники занимались жертвоприношением животных, левиты помогали им и в частности занимались пением псалмов в момент совершения ритуала. Строгое следование законам Торы гарантировало чистоту и святость священников, бывших потомками Аарона, брата Моисея. <...> В большинстве случаев решения в области ритуального и священнического законов принималась на основании Торы и ее интерпретации» [Шиффман, 2000, с. 70].

Противоборство в интеллектуальной сфере воспринималось представителями различных конфессий как борьба за истинный смысл Священного Писания, а это как раз и обеспечивало целостность самого вероучения. Так, основой правильного понимания смысла текстов Нового Завета была устная проповедь на арамейском языке, что привело к влиянию семитизмов на становление языка новозаветного писания. Отсюда правильное отношение к языку Библии стало первым (универсальным) герменевтическим правилом интерпретации.

Сопоставляя смысл одного и того же выражения, например, понятия «сын Божий» в контексте разных культур и вероучений, следует подчеркнуть, что в иудейской традиции это выражение широко используется в обыденном языке как обязательное условие праведной жизни по законам и традиции. В христианском же понимании понятие «сын Божий» используется исключительно в отношении Христа. Что касается истинного смысла основополагающих постулатов христианства, ранних его форм, то эти постулаты сводились к двум важнейшим утверждениям: 1) Иисус воскрес из мертвых и 2) Иисус умер за наши грехи.

Замечу, что вера в воскресение древнейшая; она восходит к палестинской общине непосредственных учеников Иисуса; в то же время вера в воскресение утверждается в сознании христиан как возможность победы над смертью, поскольку Христос «смертью смерть поправ».

Приведенные примеры показывают, что на протяжении многих веков у представителей разных культур и религий сохраняется традиция, поддерживающая бережное отношение к устному слову, обладающему должным авторитетом. Для иудаизма безусловным авторитетом обладают законы Моисея, а также многочисленные узаконенные комментарии, которые не нарушают незыблемость самого вероучения. Комментатор в интерпретации текста должен придерживаться определенных правил. Приведу некоторые из этих правил: 1) в интерпретации

ясное следует соотносить с туманным; 2) логически последовательное надо соотносить с логически противоречивым; 3) обязателен учет личности автора по отношению к его литературному творению.

Эти правила справедливы не только для сакральных текстов и памятников религиозной мысли, но и для текстов с самым разным содержанием.

Большое влияние на практику толкования религиозных текстов оказала традиция, восходящая к античной герменевтике, в частности, в использовании аллегорического объяснения Писания, утверждая тем самым мысль о методологическом единстве принципов герменевтики и их применимости к боговдохновенным записям Писания. Герменевтические методы признаются эффективными и в отношении скрытого смысла текста, в особенности к тем фрагментам, где присутствует аллегория. Однако аллегория, выраженная сложной фразой, может иметь несколько толкований: одно толкование передает смысл, связанный с непосредственным воображением толкователя; другое толкование произведено воображением, направляемым интеллектом самого интерпретатора, и смысл интерпретируемого фрагмента или фразы отражает внутреннее содержание этой фразы.

Например, Маймонид (1138–1204), который изучал историю Устной Торы и комментировал Вавилонский и Иерусалимский Талмуд, пишет: «Велика сила пророков... <...> они отчетливо провозгласили и разъяснили, что все эти формы, постигаемые всеми пророками в *пророческом видении*, суть формы сотворенные, творец которых — Бог. И это поистине так, поскольку всякая воображаемая форма является сотворенной» [Моше бен Маймон (Маймонид), 2003, с. 225]. Как можно заметить, в описании силы пророков Маймонид использует сравнение, ассоциируя эту силу с силой самого Творца, и все, что постигли пророки в своих пророческих видениях — это тоже сотворено Богом, поэтому и само свойство воображения — способность воображения, которая присуща человеку (как пророку), — реализуется в самых разных формах, и они также являются сотворенными.

Маймонид уверен в том, что любой мудрец, обретший истину, намеревается преподавать другим то, что относится к этому его знанию. Однако он должен говорить об этом знании — Божественной мудрости, — не иначе как прибегая к аллегориям и загадкам. Такой подход к интерпретации как способу получения знания имеет свое оправдание и свое объяснение: «Писание говорит тебе словами, скрывающими тайну... И речь обо всем этом ведется многозначными выражениями, дабы толпа восприняла их в смысле, соответствующем мере ее понимания и слабости ее интеллектуальных представлений, а совершенный, обретший знание, воспринял бы их в другом смысле» [Моше бен Маймон (Маймонид), 2003, с. 25]. Из приведенного высказывания можно сделать вывод, что при истолковании сложных и неоднозначных текстов следует принимать во внимание уровень подготовленности аудитории, для которой предназначена эта интерпретация и эти знания. Другими словами, одна интерпретация для профанов и совсем иная для «посвященных».

Заключение

Исторический опыт интерпретации не завершается теми аспектами становления античной герменевтики, которые были представлены в данной статье. Главный вывод, касающийся преемственности знания и сравнительного опыта истолкования, отношения к знанию, к формам обучения и способам передачи знаний, можно изложить, кратко перечислив некоторые особенности обучения, которые характерны для конкретных культур. Так, классическое античное образование становится базовым для христианства, о чем свидетельствует история европейской философии и культуры. Подтверждением идеи преемственности знания является римская система образования, куда входит изучение классической литературы: Гомера, Гесиода, Пиндара, Вергилия и других, причем изучение художественной литературы сочеталось с освоением других предметов (математики, геометрии, географии и др.), а также предполагает изучение философских текстов Платона и Аристотеля. Именно изучение этих текстов способствовало развитию методологического аппарата философской герменевтики.

Современный опыт философской интерпретации текстов отличается от исторически более древней традиции истолкования. Для современного интерпретатора важны не только слова и понимание смысла этих слов в контексте высказывания или отдельной фразы, но ему важно понять цель, ради которой написано данное произведение (статья, философский текст, книга), опираясь в своих выводах на текстуальную критику. Современная герменевтика учитывает историческую информацию (биографию автора, культурную среду и т. д.), не говоря уже о конкретных обстоятельствах, побудивших автора к созданию данного изучаемого произведения. Современный интерпретатор стремится сопоставить и понять различные мнения, оценки, интерпретации; он систематизирует полученные знания из разных источников, создавая и формулируя при этом собственную научную или философскую концепцию.

Список источников

1. Фестюжьер А.-Ж. Личная религия греков / пер. с англ., коммент. и указатель С. В. Пахомова. СПб.: Алетей, 2000. 253 с. (Античная библиотека).
2. Протопопова И. А. Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. М.: Изд. центр РГГУ, 2001. 470 с.
3. Шульга Е. Н. Понимание и интерпретация. М.: Наука, 2008. 315 с.
4. Гиршман М. Еврейская и христианская интерпретация Библии в поздней античности / пер. с англ. Г. Казимовой. М.: Мосты культуры, 2002. 184 с.
5. Шиффман Л. От текста к традиции. История иудаизма в эпоху Второго Храма и период Мишны и Талмуда / пер. с англ. А. Сиверцева. М.: Мосты культуры, 2000. 286 с.
6. Моше бен Маймон (Маймонид). Путеводитель растерянных / перевод и комментарии М. А. Шнейдера. М.: Мосты культуры, 2003. 566 с.

References

1. Festugier, A.-J. (2000). *The personal religion of the Greeks* (S. V. Pakhomov, Trans., Comment., & Index). Aleteya. (Original work published 1954). (In Russian).
2. Protopopova, I. A. (2001). *Xenophon of Ephesus and the poetics of allegory*. Russian State University for the Humanities. (In Russian).
3. Shulga, E. N. (2008). *Understanding and interpretation*. Nauka. (In Russian).
4. Hirshman, M. (2002). *Jewish and Christian Biblical interpretation in Late Antiquity* (G. Kazimova, Trans.). Bridges of culture. (Original work published 1996). (In Russian).
5. Shiffman, L. (2000). *From text to tradition. A history of Second Temple and Rabbinic Judaism* (A. Sivertsev, Trans.). Bridges of Culture. (Original work published 1991). (In Russian).
6. Moshe ben Maimon (Maimonides). (2003). *A guide for the perplexed* (M. A. Schneider, Trans., & Comment.). Bridges of Culture. (Original work published 1186–1191). (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Елена Николаевна Шульга — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека, профессор кафедры истории и философии науки Института философии Российской академии наук, Москва, Россия.

Elena N. Shulga — Doctor of Philosophy, Leading Researcher in the Methodology of Interdisciplinary Human Studies, Professor at the Department of History and Philosophy of Science at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

elena.shulga501@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4570-9377>